

На правах рукописи

Шишпарёнок Елена Владимировна

**ТВОРЧЕСТВО А.П. ЧЕХОВА
В КОНТЕКСТЕ СИБИРСКОГО МИФА**

Специальность 10.01.01. – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Красноярск 2010

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
ГОУ ВПО «Иркутский государственный университет»

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор
Собенников Анатолий Самуилович

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Шатин Юрий Васильевич**

кандидат филологических наук, доцент
Кузьмищева Наталья Михайловна

Ведущая организация:

ГОУ ВПО «Томский государственный университет»

Защита состоится 20 декабря 2010 г. в 15.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.12 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет» по адресу: 660049, г. Красноярск, ул. Ленина, 70, ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Сибирского федерального университета.

Автореферат диссертации размещён на сайте Сибирского федерального университета www.sfu-krasu.ru.

Автореферат разослан «   » ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

И.В. Башкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В современном литературоведении тема Сибири в русской классике рассматривается как попытка определить русское национальное своеобразие через код сибирской культуры. В творчестве А.П. Чехова Сибирь и Сахалин в широком смысле выступают именно в контексте диалога как поиска взаимопонимания между русским и тем, что стремится стать русским, но оценивается пока как «другое» / «чужое».

Сегодня граница между Россией и Сибирью не выражена так ярко, как это было в XIX – начале XX вв. Процесс глобализации оказывает свое унифицирующее, скрадывающее воздействие. Наряду с концептом провинции, окраины, Сибирь начинает приобретать черты самодостаточного региона, на который опирается вся страна – и в материальном (ресурсном) плане, и в духовном (как элементы традиционной культуры, противостоящей цивилизации). В современном сознании утрачивается культурно-историческая составляющая ментального освоения Сибири русскими. Для молодого поколения абсолютно ново и даже странно звучат слова о том, что еще в начале XX века Сибирь называли «другой страной», «загадочной» и «неизвестной землей». Эта теряющая широкое общественное звучание культурная семантика границы между Европейской Россией и Сибирью остается в литературе. Именно из рассказов и очерков В.Г. Короленко, С.Я. Елпатьевского, Г.И. Успенского и других писателей коллизия взаимоотношений центра и региона может быть реконструирована и осмыслена как инструмент национальной саморефлексии и самоидентификации. Особая роль здесь принадлежит А.П. Чехову.

Несмотря на то, что в чеховедении много работ посвящено интерпретации творчества писателя с точки зрения мифопоэтики, существует также гипотеза особого, десакрализирующего отношения автора к мифу¹. Именно такой подход в отношении к мифу как к равнозначному элементу формирования любой картины мира представляется нам наиболее перспективным. В критической литературе «Остров Сахалин» рассматривается чаще всего с жанровых позиций, например, как феномен органичного сочетания художественного и научно-публицистического стилей (В.Б. Катаев, М.Л. Семанова, М.В. Теплинский). Нередко ставится вопрос о причинах и мотивах чеховского путешествия (М.О. Горячева, Э.А. Полоцкая, Н.Е. Разумова). **Цель** нашего исследования более широкая – соотнести

---

¹ Такой подход намечен в работах В.Б. Катаева (Чехов и мифология нового времени // Филол. науки. 1976. № 5. С. 71–77; Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979. С. 121), А.П. Чудакова (Мир Чехова. Возникновение и утверждение. М., 1986). Более подробно он разработан в исследовании Р.Б. Ахметшина (Проблема мифа в прозе Чехова : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01. М., 1997).

творчество А.П. Чехова (прежде всего, сибирско-сахалинского периода) с коллективным представлением о Сибири конца XIX в., которое мы называем сибирским мифом.

В области духовной культуры существует тенденция, которая рассматривает мифологию как особый способ духовного освоения мира. В рамках такой концепции может быть объяснен феномен сибирского мифа, возникший в массовом сознании жителей Европейской России XIX века и сочетающий противоположные мифологемы ада и рая.

В широком смысле миф о Сибири оказывал серьезное воздействие на общественное сознание, что нередко побуждало к изменению жизненного уклада. Речь идет о переселенческом движении, об административных решениях по поводу ссылки и поселения и о многих общественных стереотипах. Источником их всегда служила кем-то воспроизведенная картина действительности сибирской жизни, которая часто мифологизировала тот или иной ее аспект.

Миф обогащает свой предмет духовным содержанием. В таком случае он понимается не только как ряд социальных стереотипов, а как ценностное интеллектуальное пространство, обладающее способностью притягивать к себе личностные смыслы. Рассматриваемые нами художественные тексты это всегда, в какой-то степени, попытка автора понять, что такое Сибирь, в чем ее своеобразие и значение для России. Чтобы взаимодействовать с таким глубинным содержанием сибирского мифа, воспринимающему сознанию самому приходится отвечать на внутренние, экзистенциальные вопросы и осознавать чужое пространство через переживание своего личного предела – испытания, одиночества, страха, боли, тревоги и т.д. Иначе говоря, невозможно ответить на вопрос, что такое Сибирь, без попытки самопонимания. Так складывается сибирская тема в русской культуре, что Сибирь наделяется способностью вовлекать в свой круг людей, вступивших в контакт с чужим пространством и ставить их перед лицом основных вопросов: жизни и смерти, добра и зла, достоинства и бесчестия, героического поступка и душевного мелководья.

Вся переработанная Чеховым перед поездкой литература убеждала писателя, что в обществе нет основы, нет материала для сколько-нибудь непредвзятого представления о северо-восточных окраинах России. Человек нередко увлекается при описании экзотического далекого края. В результате растет и укрепляется в сознании сибирский миф, который, в конечном итоге, лишает человека возможности освоить и принять Сибирь как реальию российской жизни.

Чехов в полном смысле слова вступает в диалог с Сибирью и Сахалином – с их грубой действительностью и с целым комплексом представлений, ложных и близких к истине, о далекой окраине нашей страны. Он

изучает многое, что писалось – в разных жанрах – о северо-востоке России. Ответом на всю разногласицу российской периодики, беллетристики и даже научной литературы станет сама книга «Остров Сахалин». Там есть и ссылки на хорошие, объективные исследования острова, и полемика – скрытая и явная – с авторами иных трудов, и попытки определить причины существования разных точек зрения на одни и те же вопросы.

Соединяя художественный и документальный элемент в образном моделировании сибирско-сахалинского пространства, Чехов продолжает традицию И.А. Гончарова, С.В. Максимова, но обновляет этот прием необычным для жанра путевых записок, почти равновесным соотношением факта и впечатления. Недоминирующая, подчеркнуто безоценочная позиция автора в «Острове Сахалине» переводит все вопросы во внутренний план образа автора, в его подтекст, что позволяет сопоставить позицию творца и его художественного двойника – автора-повествователя. Над образом Сахалина у Чехова не довлеет оценивающее, полновластное, отягченное личностными смыслами авторское слово. За счет этого образ словно остается открытым, недосказанным, как незавершенной кажется сама ситуация не-покидания острова в последней главе книги. Когда читатель не обнаруживает в тексте руководящей (или намекающей на руководство) роли автора, он неизбежно сталкивается с вопросом: почему так происходит? Наша попытка объяснить подобную ситуацию у Чехова завершается признанием важности внутриличностного, экзистенциального знания. Иными словами, нарочито неявная авторская позиция провоцирует размышления о том, как вообще мы воспринимаем новое в реальности. Насколько знакомство с предметом зависит от мифа о нем, от заранее усвоенного, схематизированного представления? Насколько человек может быть свободен, независим от предубеждения, когда он строит свою картину мира? Свобода личности, как одна из важнейших ценностей в творческом мире А.П. Чехова, ограничивается только индивидуальной ответственностью перед другой человеческой свободой.

Цель работы определяет соответствующие **задачи** для ее решения:

1) рассмотреть основные концепции мифотворчества как всеобщего, универсального момента деятельности сознания и дать теоретическое обоснование понятию сибирского мифа;

2) проследить, как развивается сибирская тема на страницах крупных столичных журналов Москвы и Санкт-Петербурга конца XIX в.;

3) выделить основные мотивы художественного образа Сибири в русской очерковой литературе XIX в.;

4) изучить круг источников – научных, публицистических и художественных произведений о Сибири и Сахалине, наиболее тесно связан-

ных с сознанием А.П. Чехова (список текстов, составленный писателем при подготовке к путешествию);

5) определить особенности проявления авторского сознания в тексте художественно-документальной литературы;

6) посмотреть, как взаимодействуют в сознании автора-повествователя в очерках «Из Сибири» и «Острове Сахалине» два образа – заочный и реально складывающийся образ северо-востока страны;

7) проследить отражение сибирско-сахалинской проблематики в творчестве Чехова.

Актуальность исследования обусловлена, во-первых, значением феномена А.П. Чехова в современном мировом культурном пространстве, во-вторых, полемикой вокруг авторской позиции писателя, и, в-третьих, тем фактом, что сибирско-сахалинский период жизни Чехова и его влияние на творчество писателя остается мало изученной областью чеховедения.

Научная новизна работы определяется обращением к новому материалу. Дело в том, что исследователи располагают списком источников – книг, статей, газетных корреспонденций, связанных с работой писателя над очерками и книгой². Весь список (включая названные и неназванные, но использованные Чеховым работы) составляет 179 источников. Из них первые 65 названий записаны самим автором в отдельную тетрадь при подготовке к путешествию. Впервые в критической литературе о Чехове мы попробовали соотнести текст писателя с этими источниками и с образом Сибири и Сахалина, который может быть реконструирован на их основе³. Кроме того, в работе актуализируется принципиально новый аспект изучения творческого феномена А.П. Чехова, а именно – отношение автора к мифологизированному общественному представлению о северо-востоке России XIX в. Наконец, в таких произведениях, как повесть «Три года» и рассказ «По делам службы», впервые рассматривается косвенное отражение сибирско-сахалинского опыта писателя.

Объектом исследования является творчество Чехова в контексте сибирского мифа. **Предметом** – художественное, художественно-публицистическое и эпистолярное наследие писателя, явившееся непосредственным откликом на взаимодействие с сибирским мифом.

Методика анализа базируется на принципах сравнительно-исторического и структурно-семантического методов. При исследовании конкретных очерков и рассказов мы прибегали к структурному и функ-

---

² Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М., 1978. Т. 14–15. С. 887–897.

³ Проводились лишь частные сопоставления, например: Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л., 1987. С. 93; Катаев В.Б. Смелость Чехова // А.П. Чехов и Сахалин на пороге третьего тысячелетия : материалы междунар. науч. конф. Южно-Сахалинск, 2001. С. 15–16; Разумова Н.Е. Творчество А.П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001.

циональному анализу. **Методологическую основу** диссертационного исследования составляют труды в области теории мифа – Р. Барта, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, М.Е. Мелетинского, В.Н. Топорова, К.Г. Юнга и других авторов. Теоретической основой в области чеховедения послужили работы Р.Б. Ахметшина, Н.В. Капустина, В.Б. Катаева, Н.Е. Разумовой, А.С. Собенникова, И.Н. Сухих, Э.А. Полоцкой, А.П. Чудакова и др. Большое значение для работы имеют исследования по теории литературы М.М. Бахтина, С.Н. Бройтмана, В.В. Виноградова, Л.Я. Гинзбург, Б.О. Кормана, Д.С. Лихачева.

Теоретическая значимость работы заключается, во-первых, в том, что мы реконструируем коллективный мифообраз Сибири конца XIX века, опираясь на конкретные тексты – периодических изданий рубежа веков, беллетристики и научной литературы, в которых присутствует сибирская тема. Во-вторых, сибирско-сахалинские произведения Чехова рассматриваются в разных аспектах: с точки зрения развития пространственной формы, в соотношении временных категорий, теоретически определяются границы проявления авторского сознания в художественно-документальном тексте и на этой основе текст писателя соотносится с фактами его биографии.

Практическая ценность. Содержащиеся в диссертации положения и выводы, а также фактический материал, могут представлять интерес для изучения истории русской литературы и отечественной журналистики XIX века. Материалы исследования могут быть использованы в практике высшей школы при разработке спецкурсов, семинаров по творчеству А.П. Чехова, по истории и культуре Сибири, а также учебных пособий для студентов гуманитарных факультетов.

Апробация основных положений исследования осуществлялась в докладах на следующих международных научных конференциях: «Молодые исследователи А.П. Чехова» (Москва, 2005 и 2008), «Философия А.П. Чехова» (Иркутск, 2006), «Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование» (Иркутск, 2009), «Время как объект изображения, творчества и рефлексии» (Иркутск, 2010), а также ежегодных научных конференциях ИГУ. В процессе работы опубликовано четырнадцать статей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Противоречивое семантическое поле, возникшее в коллективном сознании жителей Европейской России XIX века вокруг Сибири, приобретает форму мифа. Попадая в сферу публицистики и художественной литературы, сибирский миф обогащается новым, не сводимым уже только

к преувеличению содержанием, и становится элементом национальной культуры и самоидентификации.

2. В художественной литературе XIX века сибирская тема, упрощенно говоря, развивается в двух направлениях: дальнейшей мифологизации (когда делается акцент на культурной семантике границы, поддерживаются основные сибирские мифологемы – пустыни, смерти, святости и чистоты природы, особой, вольной стати сибиряка – хозяина земли и т.д.) и демифологизации. Здесь на первый план выходит не противопоставление «своего – чужого», а стремление преодолеть шаблоны и ложные формулы общественного сознания, чтобы найти общую для русского и сибирского пространства основу жизнеустройства.

3. Своеобразной интеллектуальной предпосылкой чеховского путешествия и художественного воплощения северо-востока страны является стремление взаимодействовать с сибирско-сахалинским мифом. Соотнесение произведений и писем Чехова со списком из 65 источников, составленного писателем при подготовке к путешествию, позволяет предположить стремление автора не только проверить опытом, но и объяснить причины возникновения определенных сибирских мифологем (например, мифологема быстрой езды, разбоя на дорогах, тайны и святости тайги, бездуховности сибиряка и т.д.)

4. В «Острове Сахалине» попытка автора-повествователя преодолеть свое «предубеждение против места», не допустить искажения реальности воспринятым заранее сахалинским мифом, оборачивается постановкой фундаментального гносеологического вопроса: насколько мы несвободны от стереотипов и любой другой заданности в построении индивидуальной картины мира?

5. Сопоставление сибирско-сахалинских очерков и писем Чехова позволяет заключить, что ценностный мотив свободы в творческом мире писателя семантически сближается с мотивом ответственности человека за свое слово, точнее, за то влияние, которое оно оказывает на мировосприятие другого. Понять и осознать меру своей свободы-ответственности человек может только посредством постоянного духовного поиска и самодисциплины.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка использованных источников и литературы. Объем работы составляет 190 страниц, список литературы включает 380 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, определяется степень изученности сибирско-сахалинского творчества А.П. Чехова в критической литературе, цели и задачи работы, ее новизна и практическая ценность.

В **первой главе «Сибирский миф в сознании Европейской России второй половины XIX века»** обозначены основные концепции мифа. Можно выделить два подхода к его изучению. С одной стороны, мифотворчество понимается как пройденный этап культуры, а мифологическая картина мира считается исторической доминантой архаического мышления. Нас интересует вторая тенденция, которая рассматривает процесс создания мифологических образов как всеобщий, имманентный человеку на любой стадии развития момент деятельности сознания.

В параграфе 1.1. **«Основные концепции мифа как явления современной культуры»** мы, вслед за Р. Бартом⁴, рассматриваем миф как социально обусловленный коннотативный уровень текста, который располагается над прямым денотативным значением слов. Исследователь анализирует современные ему мифы, низводя их до чистой идеологии, демонстрируя «паразитирующую», опустошающую сущность мифа, который завладевает первичными смыслами и искажает их. С нашей точки зрения, миф – это не только искажение. Его содержание не исчезает с анализом конкретных мифологем, оно переходит на другой уровень, переводя свой предмет из разряда материальных, еще и в разряд духовных ценностей. Мифологическое, как показал А.Ф. Лосев, это одна из форм «энергичного» проявления сущности вещей. Мы воспринимаем и мифологически сгущаем информацию (подобно тому, например, как мы воспринимаем теплые и холодные цвета, слышим стальной голос и т.д.)⁵. Некоторые предметы или явления способны собирать вокруг себя большее количество такой информации, образуя плотное смысловое поле, благодаря которому и происходит «пресуществление» (В.Н. Топоров)⁶ смысла понятия. Мы понимаем под мифом такую форму или феномен сознания, благодаря которой постижение человеком мира осуществляется при помощи актуализации всей сферы архетипического, интуитивного и мистического знания.

В параграфе 1.2. **«Понятие сибирского мифа как результат освоения человеком мира в категориях постмифологического сознания»**

---

⁴ Барт Р. Мифологии. М., 2000.

⁵ Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Из ранних произведений. М., 1990. С. 418.

⁶ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

сибирский миф определяется как совокупное представление о Сибири, которое включает в себя:

а) воспроизведение стереотипов массового национального сознания, которые опираются на архетипические мифологемы;

б) отражение в художественном творчестве русских писателей общечеловеческой универсальной сущности сибирской реальности. Здесь Сибирь предстает как конкретное пространство, ставящее человека перед проблемой бытийной определенности, осознания пограничного характера человеческой жизни.

Истоки формирования сибирского мифа восходят к мифологическим представлениям о «чужом» мире, который отождествляется с миром смерти, с одной стороны, и о земле обетованной, сохранившей благочестие дониконовских времен – с другой. Мы проследили развитие сибирской темы на страницах ряда крупных столичных изданий 1884 – 1890 гг., («Книжки недели», «Дело», «Древняя и новая Россия», «Известия Русского географического общества», «Наблюдатель», «Азиатский вестник», «Северный вестник», «Русь» и др.). Изученные материалы демонстрируют наличие в сознании того или иного автора определенных сибирских мифологем (например, мифологема сибирского природного богатства, вольной, не искаженной крепостным правом жизни сибирского крестьянина, мифологема темного, «забытого Богом» края, мифологема Сибири как хранилища русской национальной идеи т.д.) и стремление осознать, преодолеть их противоречие. Уже не только сама Сибирь, но и конкретные элементы ее образа становятся объектом внимания и обсуждения. Начинает осознаваться роль индивидуальных авторских интенций в создании коллективного образа региона, и, как следствие, степень возможного доверия или недоверия такой субъективной информации. Сибирь еще называется «другой страной», хотя нередко можно встретить такие обозначения как «окраина», «отдаленная, суровая сторона», «одна из местностей нашей империи». Рассмотренные нами сибирские мифологемы демонстрирует глубоко противоречивые тенденции образного восприятия края, которые порождают и поддерживают функционирование сибирского мифа в журнальном дискурсе.

Исследование очерков и рассказов о Сибири в третьем параграфе (**«Некоторые черты художественного образа Сибири XIX века»**) позволяет выделить две основные тенденции воспроизведения образа региона. Мы говорим о его дальнейшей мифологизации, когда повествование строится как проверка сибирских мифологем личным опытом, который становится ведущим способом создания индивидуального образа края. В таком случае – когда автор ориентируется, в большей степени, на собственные впечатления и эмоции – трудно преодолеть общественные стерео-

типы. Например, А.А. Бестужев-Марлинский характеризует жизнь в Сибири через сравнения с «мертвой пустыней», «гробом», «саваном смерти», в то же время, сибирская природа отождествляется с храмом («таинственность», «святая тишина», «девственность творения», «величественность пейзажа» и др.)⁷. Подобным же образом эти мотивы проявятся в произведениях И.А. Кушечевского, С.Я. Елпатьевского. У И.А. Гончарова они выступают в сочетании с самоиронией автора-повествователя и, поэтому, не будут обладать яркой мифологизирующей направленностью. В творчестве В.Г. Короленко нет отчетливого «диалога» с сибирскими мифологемами. Писателя интересует не столько северная экзотика, сколько человек как таковой и возможность проявления у него лучших, героических качеств как своеобразного протеста бездуховному, пустынному миру. Суть чеховского подхода к сибирской теме – в поэтапном взаимодействии с мифологизированным представлением о северо-востоке страны. Такое специфическое художественное задание, как «проверка» сибирских мифологем, приобретает вскоре черты индивидуального авторского восприятия чужого пространства.

Наконец, в параграфе 1.4. **«Ближайший контекст восприятия Сибири и Сахалина А.П. Чеховым (материалы списка, составленного при подготовке к путешествию)»** речь идет о первоначальном, предшествующем образе северо-восточных окраин России у А.П. Чехова. Основную часть списка составляют газетно-журнальные публикации («Отечественные записки», «Северный вестник», «Морской сборник», «Голос» и другие издания), чаще это путевые записки или путешествия, воспоминания. Меньше работ узко научного характера, как, например, «Окаменелости меловой формации острова Сахалина» Ф.Б. Шмидта или «Статистические сведения о Южной части острова Сахалина» А.Д. Брылкина. Среди художественных произведений, которые не вошли в список, но упоминаются в книге Чехова, можно отметить «Фрегат «Паллада» И.А. Гончарова, «Соколинец» В.Г. Короленко, «Записки рядового Иванова» В.М. Гаршина и другие. Такое соединение специальной научной информации, актуальных вопросов публицистики и личных воспоминаний, безусловно, способствовало завершению картины сибирско-сахалинского мироустройства в представлении писателя. Очевидно стремление Чехова к полноте воссоздания образа северо-востока страны.

Исследование этих обозначенных писателем текстов позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, Сибирь настойчиво осознается как место каторги и ссылки, с другой – заметно стремление понять отношения между регионом и метрополией как в пользу центра (Н.В. Буссе,

---

⁷ Бестужев-Марлинский А.А. Отрывки из рассказов о Сибири // Русские очерки: в 2-х т. М., 1956. Т. 1. С. 142-143, 156.

А. Вышеславцев), так и с учетом интересов самой Сибири (А. Миддендорф, Н. Ядринцев и др.). Появляется мотив осознания сущностного отношения человека, который вынужден жить на Сахалине, к острову (Я.Н. Бутковский). Формулируется вопрос о том, как «сделать Сахалин русской землей», то есть освоить его не только в территориальном, но и в социокультурном, ментальном отношении (газета «Голос»). В ряде произведений синтезируется мотив восприятия Сибири как личного испытания, предела (Н.В. Буссе, В. Птицын, И.М. Венюков). Антиномия противоречивых тенденций восприятия Сибири как ада и рая обогащается здесь мотивом поиска смысла сибирской жизни как попытки понять ее противоречия.

Во второй главе **«Образ автора в сибирско-сахалинских произведениях А.П. Чехова»** определяются особенности проявления позиции автора в тексте художественно-документальной литературы, который строится на прямом оценочном отношении к миру, поскольку, с одной стороны, мы говорим о художественном сознании Чехова (в контексте сибирско-сахалинского путешествия), с другой – о сознании автора-повествователя (когда речь идет о конкретных произведениях).

В параграфе 2.1. **«Особенности проявления авторской позиции в художественно-документальном тексте»** показано, что современное литературоведение теоретически четко определяет – автор как художник не входит в текст, его точка зрения всегда богаче и глубже той, которая представлена в ипостаси повествователя. Согласно Р. Барту, писатель не может быть полноправным обладателем своего художественного голоса. Он неизбежно отражается к тексту, разделяясь, тем самым, на «изображенного» и «изображающего» (С.Н. Бройтман) субъекта. Жанр очерка и путевых записок настаивает на критерии подлинности, соответствии художественного факта жизненной правде. Читатель всегда стремится сблизить категории автора и повествователя, понять произведение в личностном, биографическом аспекте. В воспринимающем сознании образ автора наделяется внутренней центростремительной энергией, направленной на постижение души художника. Мы определяем границы отражения сознания «первичного автора» (М.М. Бахтин) в очерковом жанре через сравнение документального и лирического способа проявления авторской позиции. Они оказываются схожими в стремлении выразить общие черты переживания через индивидуальные образы. Речь идет о фундаментальном свойстве лирики изображать некие универсальные законы душевной жизни человека через осмысление личного опыта поэта (Л.Я. Гинзбург). Такой подход открывает возможность сопоставления литературного произведения с фактами биографии писателя с той оговоркой, что имеется в

виду не прямое отражение авторского голоса, а так называемый подтекст образа автора.

Далее (параграф 2.2 – «**Эволюция образа автора в очерках «Из Сибири» и книге «Остров Сахалин»**») отмечается определенная эволюция образа автора в очерках и книге А.П. Чехова. Можно выделить общие принципы создания (стремление непредвзято взглянуть на вещи, чувство одиночества, самоирония) и отличительные качества (степень биографичности, публицистическая заостренность, характер сопоставления русской и сибирской действительности и т.д.).

В третьем параграфе «**Роль и функции слухов и легенд о Сахалине в книге А.П. Чехова**» показано, что на протяжении всего текста автор последовательно раскрывает природу и причины возникновения сахалинских небылиц и легенд. Объектом наблюдения становится у Чехова не только сахалинская действительность, но и слухи о ней. Признается потенциальная способность слухов превосходить, особым образом программировать реальное впечатление. Причины мифологизации Сахалина полярны. На одном конце – стремление общества закрыть те вопросы, по которым у него нет достаточных сведений; на другом – желание подвижников или писателей-путешественников составить противовес мнению общества и как результат – определенное преувеличение, идеализация действительности каторжного острова. Посмотреть на слухи и легенды как на *равные самим себе*, отделить их от реальности – значит уменьшить их влияние и убедительность. Не отвергая конструктивной роли рассказов и легенд, способствующих упрочению жизненного уклада на острове, в большинстве случаев Чехов приводит слух, чтобы его опровергнуть. Никогда не отвергаемый, а, наоборот, каждый проверяемый автором слух выполняет общую функцию демифологизации сахалинского мира.

Анализ временной структуры образа автора (2.4 – «**Взаимодействие «заочного» и реально складывающегося образа Сахалина в сознании автора-повествователя**») позволяет увидеть такое соотношение времени события и времени повествования, которое показывает процесс взаимодействия в сознании автора-повествователя двух образов Сахалина – заочного и реально складывающегося. Факт такого взаимодействия является основой создания образа автора в чеховском тексте. Ставится вопрос о том, насколько объективно, независимо от общественных стереотипов, мы можем воспринимать окружающую действительность? Способен ли человек преодолеть свое «предубеждение против места», и как можно это сделать? Анализируя свой личный опыт и, в то же время, объективируя, обобщая его, Чехов вовлекает в процесс осмысления зависимости или независимости нашего сознания от чужого мнения – читателя. Такая опо-

средованная личным, внутренним знанием модель восприятия сибирского пространства приобретает у Чехова экзистенциальный характер.

Писатель обладал поразительной духовной выдержкой, не позволяющей бесцеремонно вторгаться в границы личной свободы другого человека авторитарным, завершающим словом. Настойчиво избегая выводов, Чехов дает читателю шанс не столько оценить явление самому, сколько подумать о том, какими он обладает возможностями для оценивания. Именно напряженное состояние духовного самопознания дает человеку основания для оценки своей личности. Вся доступная полнота самоопределения в мире может осуществиться только через переживание фундаментального разлада между личностью и ее опытом. Это проявляется в чувстве одиночества, скуки, апатии, вялости душевных движений. Осознание и прочувствование этого внутреннего конфликта, его причин, есть необходимое условие его преодоления и принятия жизни во всей ее полноте. Художественное воплощение такого разлада-согласия у Чехова мы рассматриваем в **третьей** главе – **«Экзистенциальная модель восприятия А.П. Чеховым сибирского пространства как результат взаимодействия с сибирским мифом»**.

В первом параграфе **«Онтологические основания ценностного отношения к миру в книге «Остров Сахалин»** делается вывод о том, что в своем осмыслении Сахалина Чехов поднимается до уровня бытийного восприятия жизни. Можно предположить, что сверхзадачей чеховского путешествия (как и этой переписи, в которой важен «процесс», а не «результат») была попытка доказать, что жизнь на Сахалине можно принять *духовно*. Что остров может быть для человека родиной, а не только «местом временного водворения». Доказать не путем преувеличения или создания иллюзии сахалинского рая. Чехов не ищет достоинства жизни на острове под увеличительным стеклом, он, скорее, подводит нас к мысли о том, что научиться жить на Сахалине стоит человеку больших эмоционально-волевых усилий, установки не только на «осмысливающее окультуривание» (Н.Е. Разумова) мира, но и на преодоление Сахалина как символа несвободы.

В параграфе 3.2. **«Проблема духовной ориентации человека в сибирском пространстве (очерки «Из Сибири»)»** сибирско-сахалинское творчество Чехова рассматривается с точки зрения художественного моделирования автором «чужого» пространства. Человек узнает мир, постоянно создавая себе границы и преодолевая их. Характер и результат этого преодоления мотивированы ответственностью личности перед жизнью. Залогом сохранения индивидуальной духовной культуры в динамичном процессе цивилизации служит баланс созерцания и активности человека.

Парадокс сдержанности и проникновения, разума и интуиции определяет художественное сознание А.П. Чехова, целостное по своей природе.

В параграфе 3.3. **«Экзистенциальная проблема поиска человеком собственной веры (повесть «Три года»)»** мы стараемся понять желание чеховского героя найти свою внутреннюю веру («Рассказ неизвестного человека», «Убийство», «Скучная история» и др.), источником которой является часто противоречие религии и жизни. В 1889 году Чеховым была написана «Скучная история». Через шесть лет – в 1895 – повесть «Три года». В промежутке между ними – сахалинское путешествие писателя и, возможно, именно этот душевный опыт автора (это чеховское «все просахалинено») позволил герою повести «Три года» Лаптеву продолжить начатые еще в «Скучной истории» поиски «бога живого человека».

В заключительных словах Лаптева в повести («Поживем – увидим») чувствуется уже не безысходность, а, наоборот, некое сознательное или неосознанное представление о «конечной благорасположенности»⁸ мира к вечным человеческим поискам правды и счастья. Произошло обновление, которое стало результатом напряженной внутренней работы человека над самим собой. В сочетании этих разнонаправленных способов жизненчества, вернее, в вырастании одного из другого – загадка человеческой души, которая стоит в центре экзистенциальной философии.

Человек способен пережить свое чувство абсурда и только через это принять жизнь во всей ее полноте. Путь экзистенциального человека – это путь от отрицания мира к согласию с ним. Таков путь главного героя повести «Три года» и, возможно, путь самого Чехова. В «Острове Сахалине» писатель придает немаловажное значение такому способу или виду восприятия сахалинской реальности, как созерцание. Оно дает возможность отвлечься от мрачной действительности и осмыслить сам факт существования этого острова страданий. Такое осмысление уходит в самые коренные вопросы человеческого жизнеустройства. В отрешенном, но в тоже время спокойном и уравновешенном состоянии духа, которое передает нам в некоторых отрывках Чехов, угадываются размышления о судьбе автора-повествователя и самого острова. Здесь крепко переплетаются и равнодушие к миру, искаженному страданием, и неопределенная тяга разделить эту боль. Переживание созерцания как процесса препятствует полной рационализации человеческого сознания, обогащая его новым пониманием мира и места человека в нем.

В заключительном параграфе главы – **«Отражение сибирско-сахалинских впечатлений в рассказе «По делам службы»** – мы пытаемся определить не прямое, связанное с конкретной реальностью, а кос-

---

⁸ Великовский С. В поисках утраченного смысла. Очерки литературы трагического гуманизма во Франции. М., 1979. С. 8.

венное влияние Сахалина на дальнейшее творчество писателя. В частности, речь идет о мотиве осознания своей жизни рядом со страданием другого (рассказ «По делам службы»), который мог возникнуть именно на каторжном острове. Можно предположить, что ситуация, в которой оказывается главный герой рассказа молодой судебный следователь Лыжин – столкновение с темной, полной безысходности жизнью в глубинке – является уменьшенным отражением ситуации, в которой находится автор-повествователь в «Острове Сахалине». В обоих случаях герой вольно или невольно встречается с чужим, мало знакомым и мало понятным миром, который постепенно производит на него определенное впечатление. Факт влияния глухой серой жизни в провинции на сознание героя определяет содержание рассказа. Такая ситуация корнями уходит в «Остров Сахалин», где повествователь встречается с целым миром узаконенного, почти предельного человеческого страдания. Вопрос о влиянии Сахалина на А.П. Чехова остается за кадром, в подтексте образа автора, и только иногда приближается к его границе.

В Заключение подводятся итоги проведенного исследования.

Спациальный (от лат. *spatium* – пространство) анализ очерков показал, как постижением пространственной формы Чехов приходит к полноте и «близости» (М. Хайдеггер) освоения сибирской действительности. В очерковом цикле Чехова пространственная форма увеличивается и усложняется до степени гармонического слияния с миром. Внешняя граница Сибирь – Россия есть выражение глубинной экзистенциональной пограничности. Контраст климатических и природных условий, обычаев и языка – суть объективное выражение разницы между страной и ее окраиной. Философская мысль Чехова направлена на личное осознание этой разницы и границы. Центральным здесь становится мотив осознания своего личного опыта как способа понять общечеловеческие закономерности духовной жизни в условиях испытания, погружения в чужой, пугающий своими противоречиями, мир, которым выступает в XIX веке северо-восток нашей страны.

В поэтическом мире писателя выделяются следующие ценностные понятия: свобода, ответственность и духовная самодисциплина. К любому лично значимому (и, тем более, имеющему общественное значение) вопросу Чехов подходил обдуманно. Выясняя не только то, как и почему именно так я понимаю явление, но и то, как его поймут (после моего воспроизведения) другие. Вырисовывается какая-то сложная, многоступенчатая схема ответственности за свое слово. На материале сибирской темы, имевшей тогда широкое общественное звучание, этот подход проявляется наиболее определенно и выпукло. В самом удачно найденном Чеховым слове «предвзятость» просматривается, если вдуматься, целая система

преодоления зависимого, социально опосредованного взгляда на мир. Книга «Остров Сахалин» выступает для читателя возможностью понять, насколько человек способен быть свободным в познании мира, и насколько ответственным – в рассказывании о нем.

По теме диссертации опубликованы следующие работы
Статьи, опубликованные в периодических изданиях перечня ВАК:

1. Шишпарёнок Е.В. Сибирский миф и художественный образ Сибири в русской литературе XIX века // Вестник бурятского государственного университета. – Филология. – Улан-Уде, 2007. – Вып. 7. – С. 131–138.
2. Шишпарёнок Е.В. Экзистенциальная проблема поиска человеком собственной веры в творчестве А.П. Чехова 1880 – 1890-х гг. // Сибирский филологический журнал. – Новосибирск, 2009. – № 3. – С. 46–50.
3. Шишпарёнок Е.В. Экзистенциальная модель восприятия А.П. Чеховым сибирско-сахалинского пространства как результат взаимодействия с сибирским мифом / Вестник Бурятского государственного университета. – Филология. – Улан-Уде, 2010. – Вып. 10. – С. 182–186.

Статьи в научных сборниках:

4. Шишпарёнок Е.В. Восприятие А.П. Чеховым Сибири (на материале цикла очерков «Из Сибири» и писем с дороги) // Молодые исследователи Чехова. Вып. 5 : Материалы Международной научной конференции. Москва, май 2005. – М., 2005. – С. 202–209.
5. Шишпарёнок Е.В. Сахалинское путешествие А.П. Чехова в контексте мифа о Сибири в общественном сознании конца XIX века // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие» VII Кирилло-Мефодиевских чтений. – М. ; Ярославль, 2006. – С. 272–277.
6. Шишпарёнок Е.В. Мифологема ада ирая в образном восприятии Сибири (на материале столичной периодики конца XIX века) // «Великое русское слово... (Русский язык в средствах массовой информации)» : материалы науч.-практ. конф. Иркутск, 5 янв. 2006. – Иркутск, 2006. – С. 93–96.
7. Шишпарёнок Е.В. Сибирский миф в коллективном представлении жителей Европейской России XVIII – XIX вв. как результат освоения мира в категориях постмифологического сознания // Страницы истории российской журналистики: от Николая Полевого до наших дней : материалы Междунар. науч. конф. к 210-летию Н. Полевого. – Иркутск, 4 окт. 2006. – Иркутск, 2007. – С. 101–112.

8. Шишпарёнок Е.В. Загадка чеховской Сибири // Региональный литературный ландшафт в русской перспективе : сб. науч. ст. – Тюмень, 2008. – С. 290–294.
9. Шишпарёнок Е.В. Онтология пространства в очерках А.П. Чехова «Из Сибири» // Философия А.П. Чехова : материалы Междунар. науч. конф., 27 июня – 2 июля 2006. – Иркутск, 2008. – С. 263–277.
10. Шишпарёнок Е.В. Онтологические основания ценностного отношения к миру в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин» // Молодые исследователи Чехова. Вып. 6 : Материалы Международной научно-практической конференции. – Москва, май 2008. – М., 2009. – С. 176–186.
11. Шишпарёнок Е.В. Образ Сибири у А.П. Чехова (до и после сахалинского путешествия) // Литера : Вестн. фак-та филол. и жур-ки ИГУ. – Иркутск, 2008. – Вып. 3. – С. 62–66.
12. Шишпарёнок Е.В. Проблема духовной ориентации человека в сибирском пространстве (очерки А.П. Чехова «Из Сибири») // Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию ИГУ. – Иркутск, 6–9 окт. 2008 – Иркутск, 2009. – С. 271–276.
13. Шишпарёнок Е.В. Время события и время повествования как основа создания образа автора в «Острове Сахалине» А.П. Чехова // Время как объект изображения, творчества и рефлексии : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 27 июня – 1 июля 2010. – Иркутск, 2010. – С. 186–194.
14. Шишпарёнок Е.В. Образ автора в «Острове Сахалине» и очерках А.П. Чехова «Из Сибири» // Судьба жанра в литературном процессе : сб. науч. тр. – Иркутск, 2010. – Вып. 3. – С. 214–230.

Подписано в печать 16.11.2010 г. Формат 60x90/16.
Печать трафаретная. Усл.-печ. л. 1,4. Тираж 100 экз. Заказ 117.

Издательство Иркутского государственного университета
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36; тел. (3952) 24–14–36

